

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

И. КАНТ

ПРЕДСКАЗАНИЕ БЛИЗКОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ

Раздел первый

РАДОСТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВЕЧНОГО МИРА

От низшей ступени живой природы
к ее наивысшей ступени —
философии.

Хризипп говорит на своем образном языке стоиков следующее: «Природа дала свинье вместо соли душу, чтобы она не разлагалась». Здесь перед нами самая низкая ступень природного человека, до появления всякой культуры (культуры вообще), а именно, просто животный инстинкт.

Однако возникает впечатление, что философ проник в физиологические учения нашего времени, с тем лишь различием, что теперь слову «душа» предпочитают термин «жизненная сила» (что, впрочем, справедливо, ибо по явлению можно заключить о силе, вызвавшей его, но нельзя судить о характере той субстанции, для которой характерно данное действие), а под жизнью понимают воздействие раздражителей (биологическую раздражимость) и способность отвечать на раздражение (жизнеспособность), при которой умеренное раздражение не вызывает ни чрезмерной, ни слишком слабой реакции. В противном случае биологическая оперативность организма перейдет в химическую, имеющую своим следствием разложение, так что не разложение последует в результате смерти и за смертью (как полагали раньше), а, напротив, смерть окажется следствием предшествующего ей разложения. Природа человека, следовательно, представлена здесь в ее самой общей форме, до становления человека как человека, так, как она существует в животном, чтобы затем развить те ее задатки, которыми человек сможет пользоваться, следуя законам свободы. Однако эта деятельность и ее возбуждение не являются еще практической, а всего лишь механической деятельностью.

А

О физической предпосылке философии в человеке

Если не учитывать свойства самосознания, отличающего человека от других животных, благодаря чему он, собственно, является разумным существом (которому в силу единства само-

сознания может быть дана только одна душа), то прямо-таки методической стала у него склонность пользоваться этой своей способностью для того, чтобы рассуждать и притом с помощью одних лишь понятий, т. е. философствовать, далее полемизировать своей философией с другими, т. е. дискутировать, а так как при этом трудно обойтись без аффектов, раздражаться бранью в защиту своей философии и, наконец, объединившись (одна школа против другой, словно одно войско против другого), вести открытую войну — эта склонность, подчеркиваю я, или, вернее, страсть, должна рассматриваться как одно из благих и мудрых установлений природы, дабы отвратить от человека с его помощью большое несчастье — загнивание заживо.

О физической пользе философии

Польза философии в том, что она — здоровье разума. Но так как здоровье человека (согласно сказанному выше) есть непрерывное заболевание и выздоровление, то простой диетой практического разума (например его гимнастикой) ничего еще не сделано в отношении сохранения находящегося на волоске равновесия, называемого здоровьем. Напротив, философия должна действовать как лечебное средство (терапевтически) (*materia medic*); для того, чтобы его применять, нужны фармакопей и врачи (при этом только последним должно быть дано право предписывать лечение), а полиция должна строго следить за тем, чтобы советы, какую именно философию следует изучать, осмеливались давать только профессиональные врачи, а не простые любители, чтобы последние, не зная даже азов искусства, не занимались шарлатанством.

Силу философии как лекарства продемонстрировал в присутствии самого великого Помпея философ-стоик Посидон, произведя над самим собой следующий эксперимент: будучи увлечен дискуссией с эпикурейской школой, он подавил в себе приступ подагры, ограничив ее действие только на ноги, не позволив проникнуть ей в сердце и голову; декламируя тезис о том, что боль не является злом*, он доказал тем самым непосредст-

* В латинском легче избежать двусмысленности выражений «плохой» (*malum*) и «злой» (*pravum*). Относительно хорошего самочувствия и плохого (боли) человек (как и все живые существа) подчиняется законам природы и просто страдает; относительно же зла (и добра) он подчиняется закону свободы. Первое содержит то, чем человек страдает, второе — то, что он делает добровольно. Что касается судьбы, то различие между левым и правым (*fato vel dextro vel sinistro*) является чисто внешним различием человека. В отношении же свободы, а также соотношения между законом и его склонностями, то это в нем есть уже внутреннее различие. В первом случае прямое противопоставляется кривому (*rectum obliquo*), а во втором прямое противопоставляется уродливому (*rectum pravo s. varo, obtorto*).

То, что римлянин связывает несчастье с левой стороной, происходит, видимо, от того, что левая рука не так удобна при отражении нападения, как правая. А то, что у авгуров, когда ауспик (авгур — лат. *auspex* — жрец-га-

венное физическое воздействие философии, к чему и стремится природа с ее помощью (телесному здоровью).

О мнимой несовместимости философии с прочным миром в ней

Догматизм (например, вольфовской школы) — спальное кресло и конец всякой жизни, а ведь именно это последнее (жизнь) является благом философии. Скептицизм, представляя собой в своей законченной форме противоположность первому, не обладает ничем, что бы могло повлиять на деятельный разум, так как он все откладывает в сторону, не используя ничего. Модератизм, выливающийся в половинчатость и полагающий, что им найден камень мудрости в субъективной кажимости (*Wahrscheinlichkeit*), мнящий, что с помощью нагромождения многочисленных изолированных оснований (ни одно из которых само по себе не является доказательным), ему удалось восполнить недостатки закона достаточного основания, не является вовсе философией. С этим лечебным средством (докологией) дело обстоит точно так же, как с чумными каплями или венецианским триакром: последние именно по той причине, что в них без разбора используется много хорошего, ни к чему полезному не пригодны.

О действительной совместимости критической философии с прочным миром в ней

Критическая философия — такая философия, которая начинает свое победное шествие не с построения или свершения систем, а тем более не с подведения опор под крышу несуществующего дома для временного в нем пребывания (как это делает модератизм), а с исследования способностей человеческого разума (в каком бы то ни было отношении) и не мудрствует на авось, когда речь заходит о философских понятиях, не имеющих себе примера ни в каком возможном опыте. И тем не менее в человеческом разуме есть нечто такое, что, хотя и не может быть дано нам опытным путем, доказывает все же свою реальность и истинность с помощью явлений, которые могут быть представлены, следовательно, просто (по принципу *a priori*) даны нам в опыте. Это — понятие свободы и производный от него закон категорического, т. е. просто повелевающего, императива. Благодаря ему получают, правда, всего лишь морально-практическую, реальность идеи, которые для спекулятивного разума совершенно пусты, но благодаря которому мы приходим к

датель, прорицатель по полету вещей птиц. — *Прим. ред.*), повернувшись лицом к так называемому храму (на юг), принял удар молнии слева за счастливое предзнаменование, объясняется, видимо, тем, что бог грома, лицом к которому, как полагают, стоял ауспик, держал свою молнию в правой руке.

ним как основаниям познания нашей конечной цели, а именно: поступать так, как будто его предметы (бог и бессмертие), постулируемые в первом (практическом) отношении, даны нам.

Эта философия, являющаяся всегда вооруженным (против тех, кто ошибочно принимает явления за вещи в себе), а тем самым и неотступно сопровождающим деятельность разума состоянием, открывает перспективу вечного мира в философии, благодаря, с одной стороны, невозможности теоретического доказательства противного, а с другой, благодаря практической силе доводов к принятию ее принципов; такой мир обладает еще и тем преимуществом, что он поддерживает в постоянной готовности силы подвергающегося якобы нападению и находящегося в мнимой опасности субъекта и способствует тем самым осуществлению цели природы, поддерживая его с помощью философии в постоянном бодрствовании и отвращая от него мертвый сон.

Принимая эту точку зрения, следует расценивать не как вестника несчастья, а скорее как счастье слова человека, увенчанного славой не только в своей непосредственной области (математике), но и во многих других и наделенного превосходным, богатым деяниями и все еще цветущим возрастом, слова, в которых он полностью отказывает философам в спокойном, уютно почивающем на пресловутых лаврах мире*. Подобный мир привел бы к упадку сил и только помешал бы осуществлению цели природы относительно философии, как постоянного живительного средства в деле достижения конечной цели человечества. В сравнении с этим воинственное настроение — это еще не война, но оно может и обязано сдерживать ее с помощью решительного перевеса практических доводов над противоположными основаниями и обеспечить тем самым мир.

(Б)

О сверхчувственной предпосылке жизни человека на пользу философии

Благодаря разуму душе человека придан дух (*Mens, vovs*), чтобы он вел образ жизни, отвечающий не только механизму природы и ее технически-практическим, но и морально-практическим законам и самопроизвольности свободы. Этот принцип жизни основывается не на понятиях чувственного, предполагающих в их совокупности прежде всего (до любого практического применения разума) науку, т. е. теоретическое знание.

* Когда жить в мире станут люди,
Внимая слову мудреца,
Тогда войны вовек не будет,
Лишь в философии не будет ей конца.

Кестнер

а исходит непосредственно из идеи сверхчувственного, а именно свободы, и морального, категорического императива, в котором она в первую очередь является и который кладется в основание философии, являющейся не просто хорошим инструментом (как математика), орудием для любой цели, следовательно, только средством, но возведение которой в принцип есть уже само по себе долг.

Что делает философию учением, составляющим среди всех других наук самую большую потребность человека?

Уже само ее название говорит о том, чем она является — наукой мудрости. Но мудрость есть согласие воли с конечной целью (высшим благом), а так как ее (конечной цели) достижение, каким бы отдаленным оно ни было, есть долг, и, наоборот, если она является долгом, то должна быть достигнута, то с точки зрения морали этот принцип поведения означает следующее: мудрость для человека — не что иное как внутренний принцип воли к соблюдению моральных законов (каким бы ни был их предмет); последний может быть только сверхчувственным, потому что воля, определяемая каким-либо эмпирическим предметом, может служить лишь основой технически-практического соблюдения определенного правила, но не может быть основанием долга. (Ведь долг — не физическое отношение.)

О сверхчувственных предметах нашего познания

Ими являются — бог, свобода и бессмертие. 1. Бог как всеобязывающее существо — сущность. 2. Свобода — как свобода человека следовать своему долгу (все равно что божественным законам) вопреки всемогуществу природы. 3. Бессмертие как состояние, при котором на долю человека выпадает как страдание, так и благо соответственно его моральному достоинству. Очевидно, что все они образуют как бы последовательность из 3-х терминов закона достаточного разумного основания; и так как именно потому, что они являются сверхчувственными идеями, им не может соответствовать никакая объективная реальность, то в том случае, если она все же должна быть им приписана, то это возможно только в практическом смысле в качестве постулатов морально-практического разума*.

* Постулат — данный а priori практический императив, возможность которого не поддается объяснению (следовательно, также и доказательству). Постулатами, следовательно, не могут быть вещи, существование какого-либо предмета вообще, а только максимы (правила) поведения субъекта. Если долг будет состоять в том, чтобы двигаться к достижению какой-либо цели (высшему благу), то я также вправе предполагать, что условия, при которых только и возможно исполнение этого долга, имеются в наличии, хотя

Среди этих идей, следовательно, только средняя, т. е. свобода, ведет за собой как свои следствия остальные, потому что ее бытие содержится в категорическом императиве, не оставляющем для сомнения никакой почвы; последний, имея в качестве своей предпосылки высший принцип мудрости, следовательно, также и конечную цель совершеннейшей воли (высшее, согласующееся с моральностью блаженство), содержит просто условия, при которых единственно ей может быть воздано должное. Дело в том, что существо, которое единственно только способно произвести пропорциональное распределение, есть бог.

А состояние, при котором это может быть совершено над мирскими сущностями в полном соответствии с этой конечной целью, предположение о продолжении жизни, заложенное уже в его природе, есть бессмертие. Ведь если бы в нем не было заложено продление жизни, то оно означало бы всего лишь надежду на будущую жизнь, не имеющую своей предпосылки в разуме (в силу морального императива).

ИТОГ

Итак, если еще раз возникнет спор о том, чему учит философия как наука мудрости, то это будет объясняться простым недоразумением, или смешением морально-практических принципов нравственности с теоретическими, из которых только вторые доступны познанию. И так как против нее не выдвигается и не может быть выдвинуто более ничего существенного, то можно с полным основанием заявить о скором заключении вечного мира в философии.

Раздел второй.

СОМНЕНИЕ В БЛИЗКОМ ВЕЧНОМ МИРЕ В ФИЛОСОФИИ

Господин Шлоссер, человек огромного писательского дарования и (судя по всему) образа мыслей, направленного на сподвижничество добру, дабы не без дела отдохнуть в часы докучного, зависящего от авторитета законоуправления, неожиданно вступил на поприще метафизики, где ожесточенных споров гораздо больше, чем в той сфере, которую он только что оставил. Критическая философия, знатоком которой он себя мнит, возмущает его, но будучи знаком лишь с конечными, вытекающими из нее результатами, которые он к тому же неизбежно должен был превратно понять, не пройдя с должным усердием всех этапов, ведущих к ней, он стал тотчас учителем «одного молодого человека, который (по его словам) выразил желание изучать критическую философию», не пройдя предварительно ее школы, чтобы отсоветовать ему заниматься ею.

они и сверхчувственны и мы не в состоянии (в теоретическом смысле) познать их.

Главное для него — убрать, по возможности, с дороги критическую философию. Его совет напоминает заверение тех хороших друзей, которые предложили овцам жить с ними в постоянном мире, если только те избавятся от собак. Если ученик послушается этого совета, то он окажется игрушкой в руках мастера, чтобы совершенствоваться (по его выражению) свой вкус с помощью писателей древности (в искусстве убеждения одобрением на субъективных основаниях вместо метода убеждения на основе объективных оснований). В этом случае он уверен, что тот примет кажимость истины (*verisimilitudo*) за вероятность (*probabilitas*), а последнюю в формулировках, вытекающих из разума лишь а priori, за достоверность. «Грубый, варварский язык критической философии» будет претить ему, так как даже литературное выражение, будучи перенесенным в элементарную философию, должно с необходимостью рассматриваться как варварское. Он оплакивает то, что «всякой догадке, выходу в область сверхчувственного, любому гению поэзии обрезаются крылья» (если его коснется философия).

Философия в той ее части, которая содержит учение о знании (в теоретической) и мимо которой, направленной, правда, большей частью на ограничение притязаний в теоретическом познании, она просто не может пройти, вынуждена и в своей практической части вернуться к метафизике (нравов) как воплощению лишь формальных принципов понятия свободы, прежде чем будет поставлен вопрос о цели поступков (материи желания).

Наш антикритический философ перепрыгивает через эту ступень или игнорирует ее настолько, что совершенно не понимает основного положения, являющегося камнем преткновения для любого притязания, а именно: «Поступай согласно такой максиме, по отношению к которой ты одновременно хочешь, чтобы она стала всеобщим законом» — и придает ему такое значение, которое ограничивает его эмпирическими условиями и делает его тем самым непригодным для роли канона чистого морально-практического разума (ведь такой канон должен быть), тем самым он бросается совсем не в ту область, на которую уму указывает канон, что и порождает авантюристические выводы.

Между тем очевидно, что здесь речь идет не о принципе применения средств для достижения какой-либо цели (в этом случае он был бы не моральным, а прагматическим принципом); этого не происходит, если максима моей воли, возведенная во всеобщий закон, противоречит не максиме воли другого, а самой себе (о чем я могу судить на основе закона противоречия, исходя лишь из одного понятия а priori без какого бы то ни было обращения к опыту, например: «Будет ли входить в мою максиму вещное равенство или частная собственность»). Последнее является верным признаком моральной невозможности поступка.

Лишь простое невежество, быть может, также еще и склонность к козням, могли породить подобный выпад, который, впрочем, не может повредить провозглашению вечного мира в философии. Ведь мирный союз, устроенный так, что он оказывается тотчас заключенным, как только люди начнут понимать друг друга (без капитуляции), такой мир можно считать заключенным или, по крайней мере, близким к заключению.

Хотя философия понимается просто как учение о мудрости (это она, собственно, и означает), она все же не может обойти учение о знании, поскольку это (теоретическое) знание содержит элементарные понятия, используемые чистым разумом; если даже допустить, что это делается, дабы показать ему его границы. Относительно философии в первом смысле едва ли может быть поставлен вопрос, а именно: следует ли прямо и открыто отдавать себе отчет в том, что можно знать и откуда берется в действительности это знание о ее предмете (чувственном или сверхчувственном), или все это принимается, имея в виду практические цели (потому что данное допущение способствует осуществлению конечной цели разума)?

Может быть, не все то, что человек принимает за истинное, истинно (ведь он может заблуждаться) не зависимо от того, является ли его вера внутренней (перед богом) или внешней. Нарушение долга быть правдивым называется ложью, внешней или внутренней; но может также случиться, что обе окажутся совместимы друг с другом или противоречащими друг другу.

Ложь, как внутренняя, так и внешняя, бывает 2-х видов: 1) когда выдается за истину то, о чем не знают, что оно не истинно; 2) когда нечто выдается за достоверное, но о чем субъективно знают, что оно не является таковым.

Ложь («по имени отца лжи, от которого пошло все зло в мире») и есть, собственно, гнилое пятно в человеческой природе, как бы при этом ни было принято придавать видимость истинности, главным образом, тому, что относится к сверхчувственному (по примеру китайских торговцев, писавших золотыми буквами над своими лавками «Здесь не обманывают»). Заповедь «Не лги!» (даже из самых набожных побуждений), искренне принятая в качестве основного принципа в философию как учение о мудрости, одна лишь способна не только установить мир в ней, но и обеспечить его на все времена.

Перевод с нем. И. Д. Коцеева.

Трактат И. Канта «Предсказание близкого заключения мира в философии» был написан в 1796 г. Он содержит тот круг проблем, над которыми работал Кант, готовя конкурсную работу «О вопросе, предложенном на премию Королевской академии наук в 1791 г.: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа?» В сущности этими трудами Кант подводит итог одушевлявшему всю его философскую деятельность вопросу: как возможна метафизика (философия) как наука? Еще завершая «Критику чистого разума», Кант противопоставил

догматический метод построения философии скептическому и оба эти метода вместе как тупииковые критическому методу, который один имеет перспективы. Намереваясь завершить свою систему, Кант приглашал благосклонных читателей превратить намеченную им «тропинку в столбовую дорогу и еще до конца настоящего столетия достигнуть того, чего не могли осуществить многие века, а именно доставить полное удовлетворение человеческого разуму в вопросах, всегда возбуждавших жажду знания, но до сих пор, занимавших его безуспешно» (3,695). В конкурсной работе он писал: «Когда первые две стадии (т. е. догматическая и скептическая. — Л. К.) пройдены, состояние метафизики может быть в течение многих веков неопределенным и переходить от неограниченного доверия разуму к самому себе — к безграничному недоверию и обратно от второго к первому. Критика же самой способности разуму может привести метафизику в устойчивое состояние не только во внешнем, но и во внутреннем отношении и избавляет ее от необходимости и даже способности расширяться или суживаться» (6,185). Эта идея развивается философом в публикуемом трактате. Кант и для философии считал естественным лишь такое положение, которое имеет место, например, в математике: когда основные аксиомы некоторой теории критически исследованы, для всех математиков задача сводится к нахождению все новых и новых теорем. Научная философия должна быть еще много устойчивее математических теорий, ибо ее основные положения не подлежат пересмотру. Опираясь на них, философия будет непрерывно эволюционировать на путях все более широкой систематизации опыта и программирования нравственно-правового состояния гражданского общества, все более близкого к абстрактному философско-практическому идеалу.

Эта эволюция философии — гарантия от застоя в развитии общества, побудитель совершенствования культуры в условиях, когда разрешены будут социальные антагонизмы, исчезнут войны из жизни общества в условиях вечного, надежно гарантированного мира (статья писалась Кантом фактически параллельно с знаменитым трактатом «К вечному миру» (1795). Кант и здесь выдвигает диалектически антиномичную ситуацию: мирная война, война без войны, иначе говоря, споры на основе взаимопонимания. Именно так истолковывает Кант приводимую в статье строфу Кестнера (в поэтическом переводе И. Д. Копцева, осуществившего перевод и всего трактата).

Перевод статьи под немецким названием «Verkündigung des nahen Abschlusses eines Tractats zum ewigen Frieden in der Philosophie» осуществлен по изданию: Immanuel Kant's kleine logischmetaphysische Schriften. Hrsg. von Karl Rozenkranz. Leipzig, 1838, S. 647—661.

Публикация Л. А. Калининкова